

Н.В. КОРОВИЦЫНА

ЦЕННОСТИ ЧЕШСКОГО ОБЩЕСТВА В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

В обществах восточноевропейского типа после 1989 г. произошли важные перемены в ценностной системе населения, базовых мировоззренческих представлениях и взглядах, соответствующих новым культурным, идеологическим ориентациям и социальному климату. Десятки исследований, посвященных этим проблемам, проведенных в Чехии на рубеже XX–XXI вв., позволяют представить реальные направления долгосрочного развития общества, динамику его сознания, характерного для перехода от социализма к капитализму. Трансформация общества завершается с ресоциализацией населения – принятием вестернизированных ценностных структур.

Предшествующие сдвиги периода социализма 1970–1980-х годов демонстрировали длительную стабильность важнейших ценностей – здоровье, семья, мир, друзья; по другим источникам наиболее предпочтительными являлись спокойная семейная жизнь, конформизм и бесконфликтность¹. Главное значение в эти два десятилетия придавалось безопасной жизни в кругу самых близких людей. Более того, происходил рост значения “спокойной жизни без напряжений” и “занятий по интересам”. Вместе с тем снижался вес “свободного времени”, а также “дачи и автомашины”, “денег и заработков”, “жизни по своим интересам”. Замыкали иерархию ценностей в течение всего этого периода активность, связанная с общественной деятельностью, и инновативность, стремление к переменам.

Согласно первому наиболее репрезентативному исследованию 1984 г., во главе системы ценностей оставались семья и близкие, труд, а особенно покой и безопасность. К числу же наименее предпочтительных относились ценности самостоятельности в трудовой деятельности (предпринимательства, руководящих позиций), религиозности, общественного влияния и участия. До 1989 г. в чешском обществе был глубоко укоренен тип личности, замкнутой по отношению к внешнему миру, полагающейся на себя, скромной, необщественной, склонной к минимизации конфликтов и рисков. Если первые места в иерархии ценностей занимали семья и социальный конформизм, то последние – нонконформизм и самореализация².

Культурная динамика 1984–1990 гг. показала ощутимое снижение значения ценностей, связанных с семьей³. В эти переломные для системных сдвигов либерального типа годы снизилась ценность скромной и экономной жизни, связанной только с семьей и детьми, но и активностью в сфере общественного развития. Наибольший рост произошел в ориентации на предпринимательство, заработки, жизнь для себя и по собственным понятиям, независимо от общества. Особенно возросло значение ценностей индивидуалистических, самовыражения, успеха и богатства, а также достижения высокого профессионального и образовательного уровней.

Коровицына Наталья Васильевна – доктор исторических наук, специалист в области центрально- и восточноевропейских исследований.

¹ *Inventura hodnot. Výsledky sociologických výzkumů ve společnosti České republiky. Praha, 2009, s. 281.*

² *Slejška D. Vývojové procesy lidských hodnot. Praha, 1990, s. 71–72.*

³ *Inventura hodnot, s. 179.*

В начале перемен, согласно исследованию 1993 г., как и прежде, на первых местах оказались ценности стабильности и определенности, особенно в сфере труда, тогда как связанные с активностью и инициативой замыкали список. Но возросла ориентация на гедонизм и качество жизни, профессиональную самореализацию и предпринимательство.

В последующем аналогичные опросы проводились в 1995 г. (“Стратегия и акторы социальной трансформации и модернизации”), 1999 г. (“10 лет общественной трансформации”), неоднократно в 2000–2010-е годы. Все они показали, что наиболее однозначно люди, особенно в период политического кризиса 1999 г., “как можно дальше держались от политики”. Во всех случаях, несмотря на переживаемые обществом трансформационные процессы, главенствовали ценности стабильности над изменениями, семьи над трудом или развлечением, незанятости в общественных делах. Последняя на рубеже столетий несколько усилилась, а значение семьи по сравнению с трудом сначала ослабло, чтобы в начале нового века вновь возрасти. В условиях появления рынка труда чехи стали более охотно менять место жительства и сферу трудовой деятельности.

В целом же отличительной чертой динамики ценностных структур чешского общества в период с 1970-х годов до наших дней является значительная стабильность. Во главе их иерархии, как и при социализме, находятся ценности, связанные с семьей, спокойной и безопасной жизнью. Напротив, несмотря на некоторые подвижки, инициатива, знание, самовыражение и общественное участие постоянно оказываются в нижних частях этой иерархии. Чешское общество в последнюю четверть века не отличалось особой ценностной дифференциацией по социально-демографическим показателям, хотя ее уровень с 1970-х годов, а особенно после 1989 г., возрос⁴. Возраст выступает в качестве главного дифференцирующего ценности фактора. Интересно, если в 1980-е годы люди с высоким доходом больше ценили семью, ныне ситуация прямо противоположная. Снижается влияние различий в образовании на культурную дифференциацию.

Исследования Центра изучения общественного мнения (ЦИОМ) в 1990–2014 гг. продемонстрировали относительное постоянство первых девяти ценностей в их иерархии, связанных с семейной жизнью: ценность семьи по сравнению с другими европейскими странами в течение всего рассматриваемого периода оставалась на очень высоком уровне⁵. Также стабильны были последние две ценности в их списке – проведение политики партии и жизнь в соответствии с религиозными принципами. В то же время произошли некоторые структурные сдвиги, одним из важнейших было снижение значения труда в формирующемся потребительском обществе и увеличение его веса как источника высоких заработков, а также сокращение участия в развитии демократии в обществе. Вместе с тем возросло значение следующих ценностей: иметь какую-нибудь работу, друзей, которые могут быть полезны, приятно проводить время, иметь время на собственные интересы, жить интересной, увлекательной жизнью, обладать красивыми редкими вещами⁶. Основная часть перечисленных сдвигов датируется 1999–2004 гг. – временем создания фундамента современного чешского общества как капиталистического, вестернизированного в восточноевропейской версии.

Последнее исследование ЦИОМ 2014 г. по сравнению с предшествующим кризисным 2011 г. показало рост ценности жизни в здоровой окружающей среде и резкое снижение значения собственного убеждения. Благоустроенное жилище чехи ставят на 5-е из 34 мест. В нижней части иерархии ценностей “маленького чешского человека”, по выражению чешского исследователя Л. Голы, оказались не соответствующие западному типу культуры ценности: владение собственной фирмой, хорошая информи-

⁴ Values, stratification, transformation. Plzeň, 2012, s. 192.

⁵ Česká republika – trendy, ohrožení, příležitosti. Praha, 2009, s. 209.

⁶ Tuček M. Jaké hodnoty jsou pro nás důležité – červen 2014? – Tisková zpráva Centrum pro výzkum veřejného mínění 17. července 2014.

рованность о событиях в стране и мире, участие в развитии демократии в обществе, достижение значительного социального положения, руководящие позиции. Вес этих ценностей в предшествующие три года продолжал понижаться. Замыкали иерархию, как обычно, религия и политика.

В настоящее время в иерархии ценностей чешского населения семья остается на самом верху: она не важна только для 3% населения, а для четырех пятых очень важна. Хотя семья по-прежнему лидирует, ее значение за период общественной трансформации сократилось. На втором месте теперь ценности ближайшего социального окружения (друзья и знакомые). Затем следует свободное время (предпочтения, связанные с гедонизмом и внутрудовыми ориентациями, развлечениями) – современное общество стремится отдыхать, а не учиться или работать. Только на четвертом месте располагается труд, даже несмотря на появление и рост безработицы, а также усиление значения труда для расширения возможностей проведения свободного времени. С большим отрывом от всех основных ценностей следуют политика (второе после труда снижение значения) и религия, которые неважны для 80% населения. Прогнозируется, что в будущем ценности семьи и труда останутся по-прежнему высокими, но они будут и далее вытесняться ценностями свободного времени, а также наличием друзей. Основой чешского общества является не гражданское сотрудничество, а частные связи – родственные, дружеско-соседские, трудовые⁷. Ценность наличия друзей и свободного времени будет расти и за счет долгосрочно низкого и понижающегося значения политики и религии⁸.

Параллельно сдвигам в системе ценностей в период либеральной трансформации произошла серия изменений в жизненных ориентациях чешского населения. Наибольший долгосрочный рост с начала 1990-х годов зарегистрирован в сфере доминирующих гедонистических ориентаций: стремление к “красивой жизни” в противовес скромности и альтруизму захватило более 90% населения. Гедонизм является основой нарастающей потребительской ориентации, за ней скрывается ценность “богатства”. Наиболее ощутимый рост значения свободного времени (соответствующий приближению к показателям северо-западной Европы и удалению от вышеградской четверки, включающей помимо Чехии Словакию, Польшу и Венгрию) и роли друзей и знакомых также тесно связан с распространением гедонизма, с одной стороны, и снижением трудовой ориентации и ценности скромности как очень широко представленной в период социализма ценности – с другой. Гедонизм, неотделимый от индивидуализма, характерного для 75% населения, – две главных ориентации в современной Чешской Республике (ЧР).

Несмотря на процессы перехода от социализма к капитализму возросли уравнивательные ориентации у более 70% населения, утверждающего, что различия в доходах должны быть уменьшены. За последние годы усилилось значение и ксенофобных ориентаций чешского общества. Это общество, явно отрицающее иностранное: свыше половины населения соглашается, что “иностранцам в нашей стране должна быть запрещена всякая политическая деятельность”. Усилился также конформизм. Напротив, снизилась важность либеральной ориентации: предпочитали свободу благосостоянию и безопасности теперь около 60% опрошенных, что на 10% меньше, чем в середине 1990-х годов⁹. В чешском обществе существует особая форма либерализма, основанная на индивидуализме, свободе и замкнутости по отношению к внешним обстоятельствам, всему чужому и отличному. В меньшей степени по сравнению с либералами уменьшилось число сторонников этатистских воззрений: по мнению половины опрошенных, “проблемы граждан должно решать прежде всего государство, а не сами граждане”. Стремление взять судьбу в собственные руки сейчас не популярный лозунг

⁷ Češi na cestě za svojí budoucnost. Budoucnost a modernizace v postojích a očekáváních obyvatelstva. Praha, 2003, s. 76.

⁸ Ibid., s. 146.

⁹ Inventura hodnot, s. 244.

в ЧР: доверие человека самому себе находится на крайне низком уровне. Очевидно, в частности, за счет роста нигилизма и фатализма снижалось и значение и так слабо распространенных в чешском обществе – одном из наиболее секуляризованных в мире – религиозных, трансцендентальных и духовных ценностей, как и ценности политики – более ощутимо, чем в других европейских странах. Последнее представляет собой вторую наряду с нарастанием гедонизма тенденцию, особо ощутимую в современном чешском обществе.

Доля людей постматериалистически ориентированных составляла в Чехии около 10%¹⁰, она чуть возросла в 1990-е годы в отличие от других (кроме Словении) обществ восточноевропейского типа, где шок от перехода к капитализму был более выраженным. Движение чешского общества к постматериализму теперь ставится под сомнение¹¹. На сравнительном европейском фоне отличие чешского общества особо ощущалось в сфере ценностей религиозных, а также семьи, свободного времени и политики. Кроме того, чешское общество менее открытое к переменам и универсалистское, более консервативное по сравнению с западноевропейским, хотя и превосходящее по этим показателям остальные восточноевропейские общества. Процесс трансформации в Чехии не привел к таким изменениям в условиях жизни людей, которые бы способствовали радикальным сдвигам в ценностных структурах. Чехов по-прежнему отличает сочетание высокого уровня конформизма и эгалитаризма, а также совокупности охранительных, этатистских и потребительских ориентаций. Явных сдвигов в этих группах ценностных ориентаций не наблюдается¹². В целом неолиберальная эволюция ценностных структур чешского общества не ведет к укреплению тех ее компонентов, которые способствуют развитию открытого общества. Для чешского общества характерно явное отрицание религии, политика и общественное участие традиционно ранжируются здесь очень низко. Для чехов особенно типично противоречие между словом и делом, т.е. между вербальным выражением склонности к свободе, либерализму, необходимости каждому позаботиться о себе и фактической долгосрочной тенденцией к отрицанию всего чужого, к требованиям традиционализма, уравнительности и патернализма.

Ценностные сдвиги периода перехода от социализма к капитализму и вестернизации обусловлены по крайней мере тремя важнейшими взаимосвязанными революциями: потребительской, демографической и духовной.

Концом 1990-х годов датируется появление в ЧР живущего сегодняшним днем “homo oeconomicus” потребительского общества, заменившего потреблением многие привычные виды деятельности. То, что произошло в начале первого десятилетия 2000-х годов, можно назвать реализацией поставленных целей, историческим системным изменением – капиталистической революцией, когда предприниматель стал ключевой фигурой общества¹³. Этому предшествовало удвоение во второй половине 1990-х годов, прежде всего за счет рабочего класса (сокращение его – главный тренд всего периода трансформации), численности нижнего класса, по самооценке чешского населения. Вслед за этим в 1997–2007 гг. удвоилось количество высокообразованных среди верхней части среднего класса. После 1997 г. в Чехии произошел и быстрый рост безработицы, и еще более стремительное увеличение численности длительное время безработных. Одновременно возникла проблема “работающих бедных”. Лишь вторая половина 1990-х годов принесла “отрезвление” в представлении о “чешском экономическом чуде”. Утверждались представление о необходимой адаптации к социо-экономической модели западного мира и отказ от специфического “чешском пути”¹⁴.

¹⁰ Česká republika – trendy, ohrožení, příležitosti, s. 204.

¹¹ Values, stratification, transformation, s. 447.

¹² Tehdy a teď. Česká společnost po 20. letech. Plzeň, 2010, s. 43.

¹³ Večerník J. Czech society in the 2000s: a report on socio-economic policies and structures. Prague, 2009, s. 94.

¹⁴ Socioekonomické hodnoty, politiky a instituce v období vstupu České republiky do Evropské unie. Praha, 2006, s. 154.

Финансовый фактор стал главным в мотивации трудовой деятельности, его упомянуло около 90% опрошенных, как и в других вышеградских странах (в странах северозападной Европы – 68%). На втором месте находится стремление улучшить семейный бюджет. Идеалом чеха является хорошо оплачиваемая работа в приятном трудовом коллективе со справедливым руководителем. По мнению чешского социолога П. Мареша, стремление “иметь какую-нибудь работу, лишь бы быть занятым”, получило широкое распространение в чешской среде. В 1991–1999 гг. произошло существенное уменьшение важности, придаваемой социальным и самореализационным аспектам труда в ЧР за счет увеличения экономических¹⁵. Особенно снизилась общественная значимость труда. Доля людей, соглашающихся с тезисом “работа – обязанность перед обществом”, в ЧР ниже, чем в странах Западной Европы и вышеградских¹⁶. В последующем, несмотря на восстановление экономики, эта тенденция сохранилась: в 1997 г. 41% респондентов на рынке труда заявляли, что трудятся только для получения заработка, а в 2006 г. – уже 56%.

Изменение в положении труда в иерархии ценностей связано со снижением его значения как источника социальных контактов и пространства самореализации, усилением его функции источника существования и создания условий деятельности в свободное время¹⁷. Ощутимый дисбаланс между трудом и свободным временем усилился между 1997 и 2005 г.: падение интереса к труду было разительным. В те же годы сократилась удовлетворенность трудом (в ЧР она ниже, чем в западноевропейских странах), особенно среди профессионалов. Кроме того, ровно треть чехов считает, что, если ставить цель заработать деньги, не всегда можно быть честным. Еще четверть века назад в чешском обществе был распространен принцип: “кто не крадет, тот обворовывает свою семью”. Теперь наименее честны в экономической сфере молодые мужчины с высшим образованием, предприниматели, живущие в Праге, т.е. самые преуспевающие слои общества. Чехи не верят в рынок. Недоверие в экономические институты тесно связано с недоверием в политические институты и функционирование демократии в стране¹⁸.

В довольно короткий период произошли резкие общественные перемены, когда ценность прибыльной работы и комфортабельной жизни возросла за счет зеркального падения ценности интересной работы (количество работавших лишь столько, сколько требовалось, в 1997–2005 гг. удвоилось¹⁹), а также общего образования (образование ныне не воспринимается как приоритет ни чешской политической элитой, ни обществом²⁰), деятельности по месту жительства и поддержки демократии. Расцвет массового потребления проявился в возникновении многочисленных супермаркетов и гипермаркетов в городах с более 50 тыс. жителей (хотя четыре пятых населения высказывались против их строительства), интенсивной индивидуальной покупательской активности, достигавшей рекордных уровней во время летних отпусков и рождественских сезонов – вплоть до конца 2008 г. Лишь после 1990 г. восточноевропейский регион по-настоящему превратился в потребительское общество и общество свободного времени. Заговорили и о потребительской революции в странах региона. В результате изменился весь социокультурный ландшафт посткоммунистических стран. Население Чехии и соседних стран с большим энтузиазмом погрузилось в потребительское общество, отличительными чертами которого стали индивидуализация (например, молодежь стала откладывать брак и основание семьи или отказываться от них), демо-

¹⁵ Mareš P. The Czechs: jobs and work. – Sociologický časopis. Czech sociological review, 2001, v. 9, № 1, s. 77.

¹⁶ České hodnotové proměny 1991–2008 (European value study). Brno, 2010, s. 128.

¹⁷ Kultura v krajích České republiky. Praha, 2012, s. 213.

¹⁸ Hodnoty, postoje, chování. Praha, 2013, s. 94.

¹⁹ Jaká je naše společnost? Otázky, které si často klademe... Praha, 2010, s. 112.

²⁰ Socioekonomické hodnoty..., s. 103.

рализация и материализация²¹. Лозунг новой морали – “каждый сам за себя” – противоречит преимущественно коллективистским, уравнилельным, этатистским, консервативным основам чешской культуры. Чешское население стало одним из наиболее ярких примеров, подтверждающих и другой лозунг общества потребления – “я то, что я покупаю”, ставший предпосылкой превращения консюмеризма в новую народную “религию”, замещающую традиционные религиозные формы.

На динамику ценностей огромное влияние оказала демографическая революция, или второй демографический переход, изменивший отношение людей к семье, когда брак в соответствии с христианским учением, его социальной этикой перестал считаться необходимым шагом, предшествующим совместной жизни супругов и в большинстве случаев сопровождался только появлением у них детей. Во второй половине XX в. в западном мире происходят исторически беспрецедентные перемены в жизни семьи. Спустя два десятилетия, начиная с середины 1960-х годов, поколение родителей и их дети представляли два разных мира²². Чешское и в целом восточноевропейское общество невидимые сдвиги в поведении людей охватили в самом конце прошедшего столетия как результат и центральное событие либеральной трансформации. Демократическая революция предшествовала демографической, поразительной по скорости и глубине, но не особенно благоприятной для судеб общества. Начавшиеся с “бархатной” революции процессы оказали значительное влияние не столько на индивидов, сколько на семьи. Однако чешская семья не прошла те же стадии развития, что западная, их структура и динамика перемен различны²³.

Восточноевропейское общество “опережало” западное в отношении к семье и браку только в сфере более высокого участия женщин-матерей на рынке труда. Движение за женскую эмансипацию было связано в социалистический период с переходом к полной занятости населения. В остальных отношениях восточноевропейская семья, особенно чешская, была “законсервирована”, ее традиционные формы получили широкое распространение в 1970–1980-е годы. Тем быстрее произошли здесь сдвиги в количестве вступающих в брак и рождаемости в конце XX в., вернувшись в младшем поколении чехов к западноевропейской модели семьи, существовавшей в стране в досоциалистический период. Число браков в 1990–2003 гг. сократилось на половину и достигло низшего со времени окончания Первой мировой войны уровня. Важной предпосылкой послужил распад связи жизненной удовлетворенности с супружеской жизнью. Вместе с тем поразительно низка степень толерантности чешского населения к незарегистрированным бракам (около 60%), мало отличающаяся от этого показателя в католических Польше и Ирландии. Время, которое чешская женщина проводит дома с ребенком, превышает по продолжительности все страны Европы, является мировой редкостью²⁴. Кроме того, во всех посткоммунистических обществах (кроме восточно-германского) существует намного более высокая по сравнению с западными поддержка традиционного распределения гендерных ролей в семье, в Чехии достигающая более 40%, в том числе в молодом поколении. Это говорит о том, что чехи как представители малого народа, заботясь о самосохранении в изменчивом мире, остаются очень консервативными в демографическом отношении, несмотря на длительную высокую профессиональную занятость женщин. Отличие чешского общества от западного тем более велико, что в ЧР в отличие от стран Запада практически отсутствует частичная трудовая занятость женщин с неполным рабочим днем.

²¹ *Večerník J.* Op. cit., s. 230.

²² *Rychtaříková J.* Děti narozené v manželství a mimo manželství: dvě různé populace. – *Demografie*, 2013, v. 55, № 1, s. 5.

²³ Подробнее см.: *Коровицына Н.В.* Процессы трансформации чешской семьи в середине XX – начале XXI века. – *Новая и новейшая история*, 2014, № 1, с. 194–205.

²⁴ *Kde to ladí, a kde skřípe: sladčování práce a péče v mezinárodní perspektive.* Praha, 2012, s. 53.

Ухудшение экономического положения нижних слоев общества привело к падению рождаемости намного ниже уровня воспроизводства населения. Свободное материнство становится важной стратегией улучшения материального положения малообеспеченных и малообразованных слоев. Это к тому же наиболее либерально ориентированная группа чешского общества, без развитого критического мышления, всерьез воспринимающая пропагандистскую риторику СМИ. Напротив, скептически настроенные по отношению к ней высокообразованные слои общества обладают наиболее консервативным отношением к семье и браку²⁵. Хотя второй демографический переход в ЧР считается фактически завершенным, взгляды людей на семью и брак меняются гораздо медленнее, чем реальное поведение, и это значительно отличает чешское общество от западноевропейского, особенно в области поддержки консервативной модели семьи и признания значения брака и детей для полноценной жизни человека. Что и способствует сохранению положения семьи во главе ценностной иерархии поныне.

Чешская культура одна из наименее религиозных в мире. Согласно утверждению французского историка религии Р. Ремонда, “в Чехии еще со времен гуситских войн и поражения на Белой горе в 1620 г. преобладает сильное антиклерикальное чувство”²⁶. Специфику чешского исторического опыта составили массовый уход от католической церкви и неспособность достаточно слабой протестантской церкви заполнить образовавшийся вакуум²⁷. Поэтому чехи, по мнению чешского социолога З. Неšпора, “наиболее антирелигиозный народ”²⁸, хотя считается, что они антицерковны по привычке, а не из атеистических убеждений. Атеистический характер чешского общества усилился в период социализма, однако, по имеющимся данным, членов католической церкви в 1950 г. было 6%, а в 1970–1980-е годы – около 40% населения²⁹. “Религиозное оживление” датируется концом 1980-х – началом 1990-х годов. Но значительное снижение доверия церквям произошло уже в 1991–1993 гг. и затем продолжало уменьшаться во всех отношениях, кроме “моральных проблем и потребностей индивида”. Доверие церквям в стране находится на очень низком уровне, конкурировать с ними в этом отношении могут только политические партии. Огромный потенциал общественного интереса, открывавшийся в период “бархатной” революции перед христианскими церквями, они не смогли реализовать, престиж католической церкви, ее популярность снижались. Спустя несколько лет после революции чешское общество наполнили десятки новых религиозных течений, связанных с нелегальными традициями коммунистического прошлого, в большинстве своем – импортом из-за границы или духовными поисками отечественных представителей.

В Чешской Республике существовало сильное социальное сопротивление возврату религиозности, и среди значительной части населения утвердился “народный атеизм”³⁰. В результате, если доля атеистов или по крайней мере людей без вероисповедания в 1991 г. составляла 40%, то уже десятилетие спустя – почти 60%³¹. Декларируемый атеизм в чешском обществе по сравнению с 1990-ми годами значительно усилил свои позиции, нарастала доля людей, идентифицирующих себя как убежденных атеистов и отрицающих какое-либо представление о Боге³². В этот период по мере снижения членства в традиционных церквях росло число приверженцев малых церквей, особенно евангелического типа, увеличившееся в этот период в некоторых из них втрое. В целом доля традиционных верующих, регулярно посещающих богослужения и при-

²⁵ Šňátek a rodina: zájem soukromý nebo veřejný. Praha, 2006, s. 15.

²⁶ Rémond R. Náboženství a společnost v Evropě. Praha, 2003, s. 241.

²⁷ Hamplová D., Řeháková B. Česká religiozita na počátku 3. tisíciletí. Praha, 2009, s. 31.

²⁸ Nešpor Z. Příliš slabé ve víře. Česká ne/religiozita v evropském kontextu. Praha, 2010, s. 7.

²⁹ Hamplová D., Řeháková B. Op. cit., s. 31.

³⁰ Socioekonomické hodnoty..., s. 231.

³¹ Nešpor Z. Op.cit., s. 102.

³² České hodnotové proměny 1991–2008, s. 58.

нимающих учение христианских церквей, составляет уникальный показатель – всего 10%. Только каждый десятый чех верит, что Бог существует. Это самый низкий показатель в регионе, сопоставимый, но превышающий аналогичный показатель в Восточной Германии и Эстонии. Причем только 4% чешских католиков считаются “истинными христианами”, что объясняет положение религии в конце иерархии системы ценностей в стране³³.

В условиях подъема индивидуализма, материализма и потребительства, нарастания жизненных трудностей основным течением в религиозности чешского населения стал рост альтернативной, внецерковной духовности, веры не в Бога, а в чудеса – ясновидящих, целителей, амулеты, распространение моды на сверхъестественное, гороскопы, в магию, оккультизм, астрологию и проч. Свершилась подлинная духовная революция, приведшая не к секуляризации, а к детрадиционализации веры, маркизации этой сферы общественного сознания, смене типа религиозности, в том числе среди высокообразованных слоев населения. Чем младше поколение, тем меньше оно верит в Бога. В 2008 г. примерно половина опрошенных согласилась, что ясновидящие могут предсказывать будущее, амулеты иногда приносят счастье, а целители обладают способностью лечить. Сравнение с предшествующим исследованием показало, что вера в магию в чешском обществе высоко стабильна и служит реальной альтернативой привычной религиозности. Чехи отвергают традиционные религиозные системы и организованную религиозность, склоняясь к вере, как они считают, ориентированной на человека. Одним из следствий чрезвычайной невоцерковленности чешского населения стал наибольший на рубеже тысячелетий в Европе уровень кремирования. В 2000 г. к нему прибегало 75% населения³⁴. Постоянный рост уровня кремирований сопровождался снижением количества церковных обрядов при погребениях³⁵.

Картина динамики ценностей чешского общества после 1989 г. соответствует наполненному радикальными сдвигами четвертьвековому периоду национальной истории, больше напоминающему трансформационный кризис – социальный и культурный. Социальные катаклизмы сопровождаются исчезновением четких ценностных основ жизни людей. Конкретный анализ характерных для страны общественных, духовных процессов нередко демонстрирует их отличие и даже противоположность аналогичным процессам в западном мире, а также изначальным целям евроинтеграции.

³³ Individuals and households in the Czech Republic and CEE countries. Praha, 2010, p. 184.

³⁴ Nešpor Z. Op.cit., s.183.

³⁵ Tichý R., Vávra M. Náboženství z jiného úhlu. Brno, 2012, s. 115.